

• И В А Н •

ЛЮБЕНКО

ЛИК НАД ПРОПАСТЬЮ

ИНТЕРЕСНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Клим Ардашев

Иван Любенко

Лик над пропастью

«Автор»

2014

Любенко И. И.

Лик над пропастью / И. И. Любенко — «Автор», 2014 — (Клим Ардашев)

ISBN 978-5-699-70561-0

Присяжного поверенного Клима Ардашева волею судеб занесло в Пятигорск, где ему предстоит не только разоблачить банду коварного кавказца Зелимхана и найти «черное золото», но и раскрыть мистическую тайну переписки древних отцов церкви. Эта тайна может предотвратить мировую войну! В руках у Ардашева, как обычно, оказывается слишком ценная информация. Настолько ценная, что жизнь присяжного поверенного висит на волоске...

ISBN 978-5-699-70561-0

© Любенко И. И., 2014

© Автор, 2014

Содержание

1	5
2	10
3	16
4	21
5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Иван Любенко

Лик над пропастью

1

За зеленым полем

Северокавказский край № 723, 12 сентября 1913 г. «Из зала суда

Дело Маевского

Слушавшееся вчера в Окружном суде с участием присяжных заседателей дело по обвинению титулярного советника Маевского Поликарпа Спиридоновича по ст. 1, 670 Уложения о наказаниях (о нечестной игре в карты) закончилось только после 2 часов ночи.

Заседание представляло несомненный интерес, и свободных билетов не было. В судебной камере наблюдался полный аншлаг. Мы считаем нелишним еще раз напомнить читателям предысторию случившегося.

Итак, обвинительный акт гласил:

«8 марта 1913 года в городе Ставрополе, в помещении Коммерческого клуба, после полуночи, состоялась карточная игра в так называемую «девятку».

В числе лиц-гостей и членов собрания, принимавших участие в этой игре, были: купец II гильдии Д.Р. Тер-Погосян, советник Губернского правления статский советник А.Л. Фон-Нотбек, горный инженер Г.Н. Кампус, управляющий ставропольским отделением «Азово-Моздокского банка» Е.В. Разуваев, коллежский секретарь Ф.Н. Безгласный и поручик Неверов Н.С.

Часов около двух ночи к игравшим подошел и сел за карточный стол член Клуба П.С. Маевский – первоначально в качестве зрителя, а затем как участник игры, причем по правилам «девятки» он занял место с Д.Р. Тер-Погосяном».

Первая талия, во время которой П.С. Маевский, как удостоверил А.Л. Фон-Нотбек, куда-то выходил, – закончилась благополучно.

Когда же пришлось держать банк Маевскому, он взял несколько карт в правую руку и положил ее на край стола; левой же начал перебирать тут же лежащие деньги, якобы раздумывая, сколько ему поставить.

Затем, опустив на мгновение правую руку под стол, он поднял ее обратно и начал метать. (Первым крыл Тер-Погосян.)

Убив карту, Маевский хотел продолжить игру, но в этот момент наблюдавший за ним негоциант заметил, что количество карт у соперника сильно увеличилось.

– Поликарп Спиридонович, довольно, сегодня это не пройдет! – вскричал он и схватил его за руку. – Карты на стол! – Тот беспрекословно повиновался.

Вытащив из кармана револьвер, Тер-Погосян сказал:

– Господа, я с полной ответственностью заявляю, что Маевский – шулер. Я докажу это или пушу себе пулю в лоб.

– Извольте, сударь, немедленно извиниться, – возмутился Безгласный. – Вы оскорбили моего сослуживца, и я не могу оставаться в стороне. В случае отказа я направлю вам своего секунданта.

Тер-Погосян ничего не ответил на вызов, но предложил присутствующим вывернуть содержимое их карманов. Игроки выполнили его просьбу безоговорочно, и только один Маевский сидел не двигаясь.

– Господин Маевский, это и к вам относится, – напомнил Разуваев.

Маевский вытащил из кармана пиджака платок и поднес его к лицу, но из него неожиданно выпала карта – дама червей.

В зале повисла зловещая тишина. Все находились в смятении. И только сам виновник произошедшего, печально опустив голову, механически вычерчивал на зеленом сукне цифру «22».

Первым опомнился Ф.Н. Безгласный. Теперь непорядочность его приятеля уже не вызвала сомнений, и он немедленно извинился перед Тер-Погосяном. И оправдания были приняты.

Далее, как следует из обвинительного акта, «на предложение играющих сознаться в мошенничестве и добровольно вернуть выигрыш, П. Маевский лишь ответил, что больше не будет ходить в Клуб. Угрозы неприятностей по службе и вызова полиции не возымели на него сколько-нибудь серьезного действия. Он замкнулся в себе и не проронил ни слова.

Прибывший в Коммерческий клуб начальник Сысного отделения Е.А. Поляничко сумел убедить Маевского признать вину, и тот, в присутствии остальных игроков, попросил у всех прощения. Но протокол в тот вечер так и не был составлен».

Однако после того как защитником г-на Маевского стал присяжный поверенный К.П. Ардашев, подозреваемый полностью отказался от прежних показаний, объясняя свое поведение растерянностью и шоком, который якобы он испытал в ту злополучную мартовскую ночь.

Именно поэтому публика с нетерпением ждала схватки между прокурором и адвокатом. И вот она наступила.

Судебное следствие открылось допросом свидетелей обвинения.

Всецело подтверждая данные обвинительного акта, г-н Д.Р. Тер-Погосян между прочим заметил, что он уже больше года следит за игрою Маевского, и она всегда казалась ему подозрительной. Свидетель предупреждал об этом и других партнеров Маевского, но они требовали от Тер-Погосяна фактических доказательств, а их на тот момент у него не было.

Отвечая на вопрос адвоката Ардашева, он подтвердил, что все игроки в тот момент находились в смятении и лишь один Маевский сидел за столом и со скорбным видом чертил мелом цифру «22» на сукне ломберного стола. И даже когда пригрозили послать за начальником Сысного отделения, он все равно молчал.

Тут же, по просьбе прокурора, Тер-Погосяну дали колоду карт, и он продемонстрировал публике принципы игры в «девятку», объяснил, кто первым держит банк, куда садятся желающие присоединиться к игре относительно понтирующих, а также он высказал предположение, каким образом можно сделать «накладку».

Остальные свидетели со стороны обвинения лишь подтвердили, что подсудимый «со слезами на глазах просил у всех прощения». Один из них – старшина Клуба – сказал, что раньше, когда к ним наведывались «гастролеры», у них были большие проигрыши – по 10 000 рублей за вечер. Насколько он помнит, самый серьезный куш – в 1000 рублей – случился у Маевского всего один раз.

Его бывший сослуживец – коллежский секретарь Ф.Н. Безгласный – пояснил, что титулярный советник посещал Клуб редко.

– Все дело в его суеверии, – сказал он. – Известно, что Поликарп Спиридонович ходил в общественное присутствие только в том случае, если вытаскивал из колоды наугад даму червей. И – удивительно! – в такой вечер ему особенно везло. А если вдруг выпадала «ведьма» – дама пик, – то и на службе он не находил себе места, и все у него валялось из рук. Боялся он и пятницы 13-го числа. Да и понедельники тоже не жаловал. Он вообще-то иногда бывает весьма странного поведения. Иной раз смотришь на него и не поймешь, что с ним такое происходит: рассеян и подавлен. А в тот день он заметно нервничал, выглядел неважно и вид имел болезненный.

На вопрос товарища прокурора г-на Бутовича о том, слышал ли он, как Маевский каялся в мошенничестве, Безгласный ответил, что отчетливо разобрал лишь те слова подсудимого, которые касались его извинений.

Отвечая присяжному поверенному Ардашеву, Безгласный подтвердил, что «восьмерка» в той талии была первая по счету.

– Во всяком случае, мы все хотели покончить это в своем кругу и не выносить эту «историю» на улицу. Мы предложили Маевскому вернуть нам деньги, но он отказался. Какое-то время мы еще надеялись, что он одумается. Вот потому-то мы и попросили господина Поляничко не составлять протокол. Но через неделю об этом случайно узнал прокурор и обязал полицию провести дознание. На следующий день Маевский сразу же подал прошение об отставке, – закончил Безгласный.

Затем выступил г-н Разуваев. За ним слушали А.Л. Фон-Нотбека и поручика Неверова Н.С.

Свидетелей обвинения сменили свидетели защиты. Тут уж собрался материал совсем иного свойства. Например, мещанин Таманцев заявил, что Маевский играл очень осторожно. Банки ставил небольшие. И за три года при нем выиграл всего один раз, что-то около 1000 рублей. Он привел сказанные однажды Маевским слова: «Счастливая талия бывает лишь один раз за вечер, и если ее не поймает, то тогда почти невозможно отыгаться. Лучше уйти».

Начальник Сыскного отделения Поляничко аттестовал Маевского как умеренного в деньгах человека. По его сведениям, титулярный советник жил очень скромно, а в карты играл расчетливо, полагаясь на разработанную им систему. Многие, в том числе и господин Тер-Погосян, считали, что все это обман, никакой системы нет, а все дело в обыкновенном шулерстве. Однако он подтвердил, что лично слышал, как подсудимый попросил у всех прощения. Но добавил, что речь Маевского была сумбурной и плохо понятной.

Учитель мужской гимназии М.П. Гласов также заметил, что подсудимый играл с выдержкой, а потому его не удивляли выигрыши Маевского, так как «самообладание – основной и главный залог успеха. «Девятка» – игра азартная, зависящая всецело от случая. Тем не менее, если не нарываться, можно и не проиграть. Следует только уловить тот момент, когда карта «идет» и, «поймав» счастье, – вовремя встать. Маевскому это удавалось».

Доктор М.В. Зубов, лечивший титулярного советника от нервного расстройства, показал:

– Подсудимый страдал неврастением со всеми ее аксессуарами в острой степени, и всякие аффекты действовали на него весьма пагубно.

Все свидетели защиты охарактеризовали Маевского как человека корректного, вполне порядочного, делового, не рискованного, робкого, но добросовестного. Для них обвинение его в шулерстве – полная неожиданность.

Чрезвычайно интересное заключение дал приглашенный защитой эксперт Тимофеев. Он совсем не допускал возможности исполнения Маевским шулерской «накладки» в объяснении ее Тер-Погосяном, поскольку в таком случае Маевский должен был бы сбросить себе на колени или на салфетку нужные ему карты с тем, чтобы затем подобрать их в известном сочетании. Но, согласно показаниям Тер-Погосяна, под столом никаких карт не оказалось.

Не менее интересно и оригинально экспертиза резюмировала вопрос о талисманах.

– В клубах есть лица, которые считают полезным перед игрой перевернуть вокруг себя самого стул и тогда уж на него садиться. Другие берут со стола карты, чаще всего фигуры, кладут их в карман или на стул и потом садятся на них... Даже некоторые из прошедших здесь свидетелей поступают так же, т. е. имеют талисманы «на счастье». Заядлые же игроки – все с причудами: у одних бывает старая екатерининская монета, у других – гвоздь с подковы, а у некоторых – и конский волос. В городе есть один очень богатый человек, который ходит даже с куском веревки от повешенного, но... его постоянно обыгрывают, – под общий смех закончил г-н Тимофеев.

Далее суд перешел к допросу подсудимого. Отвечая на вопрос товарища прокурора, откуда же у него в кармане взялась дама червей, Маевский сказал:

– Мне была с первого кону дана «пятерка» и дама червей. На эту карту я и выиграл. «Пятерку» я бросил на поднос, а даму вместе с выигрышем положил в карман. Я не скрывал, что верю в приметы, но не особенно старался это афишировать. Что ж до моих слов о «сознании» и «прощении», то я и сам не знаю, как это вышло. Я находился в сильной ажитации, и совсем не понимал, что говорю.

По служебному формуляру подсудимого выяснилось, что он начал службу в 18 лет при 12-рублевом окладе месячного жалованья. Перед выходом в отставку получал уже 145 рублей. В Казенной палате Маевский характеризуется как исполнительный и добросовестный работник.

Судебное следствие закончилось.

Товарищ прокурора предложил присяжным заседателям признать Маевского виновным. Обвинительную речь он закончил словами:

– Воздух душен. Давят тучи. Общественная атмосфера насыщена преступлениями, и со дна жизни поднимаются испарения зла. Ваш приговор, как благодатный дождь, освежит воздух, а потому мы требуем строгого и справедливого наказания.

Защитник Маевского, как всегда, был неподражаем. Мы приведем лишь завершающую часть выступления п. п. Ардашева.

– Фактическая сторона обвинения полностью не соответствует показаниям очевидцев, да и сами свидетели путаются в деталях. Например, г-н Безгласный считает, что «восьмерка» была первая по счету карта, а Тер-Погосян утверждает, что их было две; г-н Разуваев вообще заявил о некой «известной» комбинации карт Маевского. Как бы там ни было – одно ясно: Тер-Погосян целый год следил за Маевским, пытаясь доказать всем, что никакой системы выигрыша в «девятку» быть не может. И это стало его навязчивой идеей. Любое движение Маевского – будь то его выход из-за стола или наличие талисмана в кармане, – все ему не нравилось. Незаметно он и сам превратился в странного, охваченного нездоровыми подозрениями человека. Другими словами, он стал психически неуравновешен. Вот потому-то Тер-Погосян и прихватил с собой пистолет, а позже дал обещание застрелиться. Разве может здравомыслящий человек так себя вести? Я думаю – нет.

К тому же, господа присяжные заседатели, когда случилось это недоразумение, свидетелей обвинения волновал только собственный карман, а не установление истины. Что же они предприняли, когда Тер-Погосян устроил опереточный скандал? Они потребовали у Маевского назад свои выигрыши, пригрозив ему «представить случившееся по его начальству». А что значит для человека, живущего двадцатым числом, «представить по начальству»? Любому понятно – потеря службы и безденежье, что, собственно, и произошло. Да ведь и не случайно опытейший начальник Сыскного отделения не стал составлять протокол. Станным ему показалось поведение подозреваемого. Вот поэтому и не спешил господин полицейский с бумагами. Я думаю, всем совершенно ясно, что мой подзащитный – человек с хрупкой и весьма ранимой психикой.

Позвольте вопрос, господа присяжные заседатели:

– Как вы думаете, а что бы предпринял г-н Безгласный, окажись он на месте Маевского?

– Всенепременно вызвал бы Тер-Погосяна на дуэль, – скажете вы.

– А как бы повел себя поручик Неверов?

– Несомненно, защитил бы свою честь оружием, которое всегда при нем, – предположите вы.

– А статский советник Фон-Нотбек?

– Мог бы попытаться доказать, что «дама червей» была всего лишь талисманом, болезнью предрассудков. Да ведь почти каждый из игроков одержим хоть каким-то, пусть самым малым, – но суеверием, – ответите вы.

– И наконец, если бы это был... Маевский? Как бы поступил он?

– Маевский поступил бы именно так, как и поступил: печально опустив голову, он рассеяно вычерчивал на зеленом сукне стола одну и ту же цифру – «22». И все. Ни слова, ни полслова... Что поделаешь, таков этот кроткий и безобидный человек.

Подойдя к присяжным, п.п. Ардашев осведомился:

– А вот теперь, господа, скажите: может ли он, – защитник указал на подсудимого, – быть циничным карточным шулером? Ответ, я думаю, ясен.

Адвокат вернулся на место. Зал взорвался громом аплодисментов. У многих на глазах выступили слезы.

После недолгого совещания присяжные заседатели вынесли титулярному советнику П.С. Маевскому оправдательный вердикт, вызвавший у него истерические рыдания.

Фалалей Паремузов».

2

Предсмертное послание

Осень приходит в Ставрополь незаметно, как подкрадывается старость или наведывается тяжелая болезнь. Небо мгновенно теряет летнюю синь и хмурится скучным серым цветом, будто на палитре невидимого художника не осталось ни одной яркой краски. Она, будто вражеский лазутчик, пытается проникнуть в город ночью, когда все спят. Но приближение ее чувствуется, и холод через открытые форточки пробирается под одеяла. И потому утром горожане, достав из сараев вторые рамы, неспешно вставляют их в окна. Пора готовиться к заморозкам.

Клим Пантелеевич Ардашев осень боготворил. И считал это следствием того, что день его рождения был именно осенью, в ноябре. Да и многие люди, оказывается, любят то самое время года, когда они родились. Вот и сейчас, сидя в любимой беседке, он отложил в сторону томик Чехова и смотрел, как падают, кружась, еще недавно такие молодые и сильные листья. А ведь прошло совсем немного времени, и каких-нибудь три-четыре месяца назад эти вишни и абрикосы гордо шелестели густыми кронами, а в них без умолку щебетали пернатые. Да, горестно подумал он, так и человек: бегают, суетится, доказывает что-то, спорит, нервничает, а потом – раз, и все, – похоронные дроги и Даниловское кладбище... А почему, собственно, Даниловское? Меня отнесут на Успенское, к родителям. Кстати, неплохо было бы заранее об этом позаботиться. Хотя, с другой стороны, – он вспомнил одну восточную мудрость «если часто думаешь о смерти, то и смерть начинает думать о тебе».

После сложного процесса всегда приходила усталость. А сложными Клим Пантелеевич считал именно те дела, успех в которых строился на эмоциях и умении убедить присяжных в невиновности клиента. Дело Маевского было одним из таких. Театр, да и только. И потому такая работа отнимала больше душевных сил, чем поиск настоящего преступника. Легче отыскать истинного злоумышленника, оправдав тем самым невиновного, чем надеяться на благодушное расположение случайных людей. Кто знает, как они поступят? Выгляди титулярный советник более самоуверенно – и неизвестно, чем бы все закончилось.

Последнее время Ардашева мучил один и тот же кошмарный сон: будто он произносит длинную речь, присяжные выносят оправдательный вердикт, раздаются овации, публика встает, а подзащитный, дождавшись, когда уляжется шум, вдруг во всеуслышание заявляет, что все злодеяния совершил именно он. Зал с ужасом замолкает, и в абсолютной тишине звучит его подробный рассказ о бесчисленных убийствах. Душегубец смотрит на адвоката и ухмыляется.

Невеселые мысли прервали чьи-то шаги. Клим Пантелеевич оглянулся – по садовой дорожке шел доктор Нижегородцев. Из кармана его сюртука торчали газеты. Ардашев поднялся навстречу.

– Давненько не заглядывали, Николай Петрович. А то заложили бы банчок.

– Да вам, насколько я знаю, и недосуг было. Вы все больше в «девятку» с судьей да прокурором, – ответив на рукопожатие, проговорил врач.

– Стало быть, слыхали о деле Маевского?

– Как же! О нем только ленивый не говорит! Но есть и другие известия, – он протянул Ардашеву «Северокавказский край». – Вот, читайте.

Ардашев развернул газету. На второй странице в разделе «Епархиальная хроника» под заголовком «Благое дело» была помещена его фотография. Присяжный поверенный углубился в текст:

«13 сентября, в день престольного праздника Рождества Пресвятой Богородицы, при Евдокиевской церкви на Ташле, после Божественной литургии, Епископом Михаилом в сослужении епархиального миссионера-проповедника протоирея Симеона Никольского, смотрителя духовного училища священников Гр. Ключарева и К. Окунева было совершено освящение нового здания церковно-приходской школы, построенного на средства супругов г.г. Ардашевых. Стройное пение хора местной церкви дополняло торжество освящения.

Присутствовали: епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ действительный статский советник И.И. Зилинткевич, советник Губернского правления статский советник А.Л. Фон-Нотбек, жертвователи: супруги г.г. Ардашевы, много приглашенных гостей, учащиеся и их родители.

По окончании Богослужения был дан завтрак. По единогласному желанию всех присутствующих послана телеграмма на имя обер-прокурора Святейшего синода с выражением верноподданнических чувств Его Императорскому Величеству как Державному Покровителю церковных школ Российской империи.

Главная заслуга в сооружении этого прекрасного во всех отношениях храма знаний всецело принадлежит супругам г.г. Ардашевым, пожертвовавшим на постройку 10 000 рублей.

Клим Пантелеевич Ардашев – присяжный поверенный Ставропольского Окружного суда – выразил пожелание, чтобы это здание являлось памятником 300-летия Царствования Дома Романовых. Нельзя обойти молчанием и теплое отношение его супруги, которая, кроме всего прочего, подарила детям прекрасную школьную библиотеку, картину с ликом Христа «Благословение детей» и новую фисгармонию. В довершение ко всему Вероника Альбертовна Ардашева выразила желание стать постоянным попечителем этой школы».

Заметив, что Ардашев ознакомился с текстом, Нижегородцев сказал:

– Вижу, Клим Пантелеевич, вы с лихвой выполнили просьбу Григория Ефимовича.

– Да, – кивнул адвокат, – и еще половину суммы я добавил от себя. Только вот владыка наотрез отказался упоминать имя Распутина.

– А я смотрю, губернатор на открытие даже Фон-Нотбека прислал. Славословил небось?

– Договорился до того, что пообещал сделать меня почетным гражданином Ставрополя... ну да бог с ним. – Присяжный поверенный вновь пробежал глазами по газетным страницам. – А нефтяная «горячка», я вижу, набирает ход. Надо же! Уже пробурили тридцать семь скважин! И все в разных местах города. Народ, по-моему, начинает совершать необдуманные поступки.

– Необдуманные? Да все просто сошли с ума! – негодуя взмахнул руками Нижегородцев. – Чтобы купить паи «Ставропольского товарищества по исследованию недр земли», многие продают последнее, берут займы у банков, закладывают дома. И все ждут: вот-вот забрызжет черный фонтан. А господин Кампус только масла в огонь подливает, рассказывая, что, согласно заключениям горных инженеров, на Ставропольской возвышенности нефти не может не быть. Вы посмотрите, что он пишет! – Он взял у Ардашева газету и начал читать:

«Скважина в настоящее время достигла глубины в 300 саж. 4 фута при диаметре колонн в 10 дюймов, причем на разных глубинах от 90 до 300 саженей встречено более 11 прослоек горючего газа. Температура на самом дне в настоящее время равна 95 градусам по Цельсию.

Осмотренные нами породы, добытые на различных глубинах, при сравнении с грозненскими, как по цвету, так и по своему составу нисколько не отличаются от последних. На некоторых грозненских промыслах нефть стала фонтанировать только с глубины в 450 и даже 600 саженей. Как, например, на промысле Шписа.

Это последнее обстоятельство при отмеченном нами равенстве пород говорит весьма убедительно за то, что при более глубоком бурении нефть может появиться и у нас. Вследствие этого тем более не следует отчаиваться и останавливаться на достигнутых, хотя бы и без-

успешных, результатах. В Ставрополе, несомненно, нефть есть. Это аксиома». – Доктор поднял глаза. – Что скажете?

– До тех пор пока Тер-Погосян является основным пайщиком Кампуса, народ будет верить увещаниям этого пройдохи. Сей негоциант – человек уважаемый. Насколько я помню, «Ставропольское товарищество по исследованию недр земли» на ладан дышало, пока в него не вступил Давид Робертович, не так ли?

– Вы правы, – закивал Нижегородцев. – Тер-Погосян трижды удивил Ставрополь. Первый раз город ахнул в прошлом году, когда узнал, что на тонущем «Титанике» был его дядя (преуспевающий американский миллионер), который, надев пробковый пояс, сумел выбраться на льдину. Однако это его не спасло – на ней он так и замерз. Второй раз, когда выяснилось, что львиную долю состояния он завещал именно своему ставропольскому племяннику. А третий, когда облагодетельствованный американскими долларами Тер-Погосян внес весь капитал в упомянутое товарищество. Вот после этого и началась эта нефтяная лихорадка.

– Но куда смотрит местная управа? И почему они забросили разработки газовых месторождений? Единственная городская скважина на Варваринской площади, обошедшаяся городу в шесть тысяч рублей, поросла бурьяном. Точно так же забыт и проект Думы по отоплению и освещению газом 3-й женской гимназии.

– Да не нужно им ничего! Им бы только землеотводами заниматься да мзду брать! Шутка ли, из-за шальных поисков цена на землю выросла более чем в пять раз! Одновременно подорожала недвижимость. Это, кстати, ударило бумерангом и по самому Тер-Погосяну. Говорят, он изрядно переплатил, когда купил второй дом.

– Второй?

– Давид Робертович ушел от жены и приобрел особняк на Воронцовской, почти напротив костела. Живет со своей конкубиной. А вы разве не знали?

– Видите ли, последнее время Вероника Альбертовна с утра до ночи занята попечительством, и ей стало недосуг потчевать меня городскими сплетнями. Кстати, хотел бы надеяться, что она уже вернулась, и мы пригласим ее попить с нами чаю на свежем воздухе.

– Не стоит беспокоиться, Клим Пантелеевич, я ненадолго.

– Не прекословьте, Николай Петрович. Я угощу вас совершенно новым напитком. Это чай с вином. Тайну его приготовления я постиг в Азии.

– Вот уж не слышал! – признался доктор. – Чай с ромом пил, с коньяком пробовал, а вот с вином никогда не доводилось.

– Сейчас мы эту несправедливость устраним. Вы посидите пока наедине с Антон Палычем, – он кивнул на книгу, – а я схожу в дом.

Через четверть часа Ардашев вернулся. Позади него семенила горничная. На подносе высился чайник на спиртовке, несколько стаканов с блюдами, медная сахарница, бутылочка со свежим лимонным соком, блюдо с лимонными кружочками, розетка с медом и нарезанный аккуратными ломтиками осетинский сыр. Нарядившись в белую скатерть и обставившись угощениями, старый деревянный стол заметно помолодел и даже перестал поскрипывать.

Наполнив стаканы, Клим Пантелеевич дождался, пока гость сделает несколько глотков, и осведомился:

– Ну и? Что скажете?

– Божественно! С нетерпением жду рецепта.

– Здесь нет ничего сложного. Возьмите полштофа красного вина (сухого или полусухого) и смешайте с чаем. Объем вина и чая должен быть примерно равный. Добавьте туда гвоздику (можно чуть-чуть корицы, тертого мускатного ореха) и поставьте на огонь, но до кипения не доводите. В подогретый чайный стакан положите кружок лимона, одну чайную ложку меда и один кубик сахара. Кроме того, влейте немного лимонного соку (с четверть выжатого лимона). И вот теперь залейте все заготовленной чайно-винной смесью. Но поскольку этот чайник на

шесть стаканов, то я и готовлю в соответствующей пропорции. Однако хочу заметить, что на Востоке кладут лайм, а в Азии – камрак.

– Камрак? Что это?

– Его еще называют карамбулой. Вкус этого растения чем-то напоминает «заячью капусту». Внешний вид весьма своеобразный – нарезанные поперек плода ломтики похожи на пятиконечные звездочки.

– Ох, и везет же вам, Клим Пантелеевич, – весь мир посмотрели! А мы вот все больше по географическим атласам да книгам. Недавно, кстати, прочел интереснейшую статью в журнале «Вокруг Света» о Ромейском царстве и государстве Алания. А знаете, кто автор? Никогда не догадаетесь!

– Поликарп Спиридонович Маевский. Мой недавний подзащитный. Тихий и скромный титулярный советник.

– Иногда с вами становится скучно: вы все знаете.

– Так ведь он в «Читальном городе» все книги о Византии скупил.

– Ну вот, – вздохнул доктор, – ваша осведомленность, как всегда, основана на простых фактах.

– Послушайте, Николай Петрович, а «Ставропольско-Кубанское нефтяное товарищество»? Оно ведь тоже занимается поиском нефти, но делает это как-то более осмысленно, по-западному, что ли... Попутно открывая газовые месторождения, они не бросают их, а помогают использовать. Смотрите – скважина у театра «Пассаж» его же и отапливает, а другая, обнаруженная на территории завода «Салис», приспособлена для собственной рекламы: вокруг чугунной трубы, выводящей из земли газ, поставили столики и устроили шатер, а через огромные окна главного цеха видно, как на газовой горелке варят пиво. И тут же из декорированного бродильного чана с отстойником напитков разливается в литровые баварские кружки. Люди идут туда нескончаемым потоком: всем интересно узреть новое чудо техники.

– Так это заезжие. Им не остается ничего другого, как пытаться любым способом уменьшить затраты, связанные с бурением скважин. Местные власти ставят «варягам» всяческие препоны: находят формальные поводы для остановки работ. Вы же понимаете, что им больше интересен «свой» Кампус, чем пришлый чистоплюй Белоглазкин. Он хоть и русский, но учился в Лондоне, взятку не дает и верит, что Россию можно переделать на манер Англии или Франции. Только чиновники смотрят на него как на юродивого, хмыкают в ладошку и строчат предписания, заставляя приостанавливать работы по бурению. А он, будто Дон-Кихот, все продолжает бороться с ветряными мельницами.

– Сдается мне, что без вмешательства Тер-Погосяна тут не обошлось. Ему лишний конкурент ни к чему.

– Вы совершенно правы, тем более что «новоприбывшие» уменьшили стоимость каждой акции, включающей в себя сто паев. И народ принялся их скупать, отчего Тер-Погосян терпит убытки.

– Видно, Белоглазкин еще и неплохой финансист. – Ардашев повернул голову в сторону сада. – У нас, судя по всему, гости – Ефим Андреевич пожаловал.

– Поляничко?

– Он самый.

Главный сыщик губернии в сопровождении горничной приближался к беседке. Он был в старомодном длиннополом сюртуке. Его нафабранные усы резко контрастировали с седыми бакенбардами.

Ардашев шагнул навстречу.

– Милости прошу, Ефим Андреевич. Искренне рад вашему визиту.

После короткого рукопожатия старый полициант потянул носом, улыбнулся и спросил:

– Глинтвейн?

– Не совсем. Позвольте, я вас угощу.

Адвокат опустил в стакан кусочек лимона, сахар и немного меда. Добавив лимонного сока, он налил винно-чайной смеси. – А вот теперь пробуйте.

Поляничко снял котелок и положил на край стола. Сделав глоток, он невольно сморщился, но выдавил улыбку.

– Пожалуй, неплохо. Напоминает микстуру от простуды, что готовят в аптеке у Байгера. Вижу, – он указал кивком на свой стакан, – ждали кого-то?

– В любой момент к нам может присоединиться Вероника Альбертовна, но пока ее нет.

Увидев лежащую на столе раскрытую газету со статьей о церковно-приходской школе, гость заметил:

– А вы, смотрите, теперь меценат. Добрыми делами занимаетесь. Это хорошо – другим пример. Я бы тоже рад, но с нашими грошами хоть бы самому прокормиться. Да-с...

Он достал серебряную табакерку, взял щепоть ароматной смеси, неторопливо растер ее между пальцами и набил обе ноздри. Прикрыв глаза, на секунду замер и тут же разразился чередой нескончаемых чихов. Седая, будто посыпанная пеплом голова сыщика судорожно затряслась.

Ардашев, хорошо знавший полицейского начальника уже много лет, терпеливо ждал, пока Ефим Андреевич закончит свой обычный церемониал и перейдет к сути вопроса, который и привел его к нему.

Промокнув слезы удовольствия, Поляничко, верный старой привычке, начал с конца:

– Вчера вечером Тер-Погосян отправился к праотцам. Умер насильственно, предупредив, так сказать, естественный ход вещей, – застрелился в собственном кабинете. В конторе был допоздна. Проникающее ранение в голову. Выстрела никто не слышал. Его обнаружил сторож. Записку напоследок оставил. Да-с... – Он вынул из кармана заношенного сюртука конверт, извлек свернутый вдвое полулист почтовой бумаги и положил на стол. – Отпечатки пальцев уже сняли. Чужих следов нет, только его.

Адвокат развернул послание. Текст, набранный на пишущей машинке, был банален: *«В моей смерти прошу никого не винить»*. Внизу черными чернилами была выведена размашистая, похожая на вензель подпись.

«Господи, – подумал Клим Пантелеевич, – ну почему все привыкли мыслить штампами? Сколько я ни сталкивался с делами о суицидах – везде одна и та же фраза. Ну могли бы придумать что-нибудь иного свойства. Допустим: *«Во всем виноват только я»* или *«настоящим заявляю, что самолично ухожу из жизни»*. Нет, как-то сухо и канцелярщиной отдает. Лучше уж: *«Простите, что накладываю на себя руки»*... но и это слишком картинно, будто взято из скверного водевиля. А может, кратко? *«Устал. Ухожу. Простите...»* Да, пожалуй, это сгодится. И звучит достойно».

Ардашев поднял глаза:

– Это все?

Усмехнувшись в усы, Поляничко вытянул из того же кармана еще один конверт. На лицевой стороне было выбито печатным шрифтом: *«п.п. Ардашеву»*. Внутри, на белом листе, чернела машинопись: *«Я выполнил обещание, не правда ли?»* – и подпись.

– И что же?

– Ничего, – пожал плечами сыщик. – Я хотел предупредить, что не сегодня завтра вас вызовет на допрос судебный следователь Леечкин. После чего дело, вероятно, закроют. Да-с...

– А подпись его? – задумчиво выговорил Ардашев.

– Его-с, не сомневайтесь. Тут вензелей – что у карачаевского барана завитушек. Старался, сердешный, выводил перед смертью. Знал, видать, что сличать будут. В этих художествах – один плюс: подделать трудно. Хотя, – он в задумчивости почесал подбородок, – во

втором годе был у меня один «рисовальщик», из Одессы. Для него любую подпись изобразить – детская забава.

– Но почему текст набран на машинке? В таких случаях обычно пишут от руки.

– Н-не знаю, – замылся полицейский. – В конторе убиенного стоит «Ундервуд».

Присяжный поверенный взял оба листа, посмотрел их на просвет и совместил подписи – они совпали. Он повернулся и хотел что-то сказать, но в разговор вмешался доктор Нижегородцев:

– Позвольте узнать, Ефим Андреевич, видны ли следы пороха на кисти правой руки?

– А я разве еще не сказал? – сыщик округлил глаза.

Доктор покачал головой.

– Все чин-чином: сгоревший порох имеется и на руке, и вокруг височной области.

– Оружие его?

– Да. Тот самый наган, которым он размахивал в Коммерческом клубе. Куплен в магазине «Выстрел» на Николаевском проспекте. Я проверил – все сходится. Да-с...

– А сколько патронов осталось в барабане?

– Патронов? – насторожился Поляничко. – Как сколько? Шесть, конечно! В сейфе, на полке, мы нашли распечатанную пачку на четырнадцать штук. В ней как раз осталась ровно половина. Но там еще и россыпь была. Мы все описали и сфотографировали.

Ардашев сделал несколько глотков чая и, глядя на упавший под ноги вишневый лист, спросил:

– А какого цвета были чернила в его письменном приборе?

Поляничко заерзал, будто угодил в купоросную лужу. Покусывая кончик уса, он наконец выдал из себя:

– Не помню, не до того было. – И вдруг поднялся. – Пора мне, пойду... Вот ведь как бывает: жил человек, жил, радовался, в картишки перебрасывался, а потом задумал вывести более удачливого игрока на чистую воду. Почитай, год за ним следил. Казалось, повезло – почти за руку поймал. Чувствовал себя победителем. Раструбил на всю округу. Вроде бы все шло как по маслу. Но нет. Судьба выкинула такой фортель, что упаси Господи! Трагедия. Да-с... – Он махнул рукой. – Вы меня не провожайте. Честь имею кланяться.

Глядя вслед удаляющемуся полицейскому, доктор печально выговорил:

– А если разобраться, Поляничко, в сущности, прав. Только это не трагедия, а самая настоящая блажь и мандрагория. Ну чего в жизни коммерсанту не хватало? Ведь все было: и деньги, и любимая женщина, и нефть вот-вот забьет фонтаном. Никогда бы не подумал, что успешный миллионщик может снизойти до самоубийства. Другое дело Маевский – размазня, слабак.

– Боюсь, вы ошибаетесь. Этот неприметный титулярный советник не так уж прост, как может показаться на первый взгляд. Он очень умен. А вообще-то, Николай Петрович, я почти уверен в том, что самоубийство Тер-Погосяна не закончится для нас только визитом Поляничко. Помяните мое слово: вчерашнее происшествие – начало длинной цепи событий. А меня, как вы знаете, предчувствия редко обманывают. Да и начальник Сысного тоже что-то не договаривает.

– К гадалке не ходи, – согласился Николай Петрович. – Сегодня Ефим Андреевич выглядел обеспокоенным. Мне показалось, что у него имелись какие-то подозрения, но говорить о них он так и не решился. Не знаю, как у вас, а у меня после его визита до сих пор на сердце тревожно, будто в детстве перед грозой.

Присяжный поверенный уже не слышал Нижегородцева. Он полностью погрузился на дно собственных мыслей.

Глядя на бегущую стайку ватных облаков, Клим Пантелеевич вновь и вновь возвращался к разговору с Поляничко.

3

Визит незнакомки

В воскресные дни Ставрополь, как и все южнорусские города, выглядел празднично. Сказать точнее – преображались его жители. После посещения храмов горожане, облаченные в свои лучшие платья, в благодушном настроении возвращались домой.

Солнце, еще недавно беспощадное ко всему живому, теперь нежно грело землю, играя лучами в витринах дорогих магазинов. Легкий, едва заметный ветерок носил по городу паутину – примету наступления бабьего лета. С глухим стуком выпадали из своего зеленого панциря каштаны, усыпая асфальтовую дорожку бульвара.

На Николаевском проспекте – главной людской артерии города – в такой день можно было встретить весь цвет губернской столицы. Учителя гимназий и духовных училищ, чиновники присутственных мест, мещане и купцы в сопровождении нарядных супружниц равнодушно поглядывали на крикливые афишные тумбы, зазывающие в цирк «Жижетто Труцци»: «Смертельно опасный номер – сальто-мортале через пять лент с приходом на лошадь! Шпагоглотатели, канатоходцы и наездники, дикие африканские львы и танцующий индийский слон!»

Под стать пестрым афишам «горели» цветастые платки уличных торговков. Розовые леденцы-петушки, домашние пирожки с разнообразной начинкой, тыквенные и подсолнечные семечки, папиросы в пачках и россыпью – все можно было купить здесь. Тут же стояли мальчишки с кипами газет. Выкрикивая названия передовиц, они навязывали прохожим «Северо-кавказский край», «Русские ведомости» или «Ставропольское слово».

Супруги Ардашевы, отстояв воскресную службу в Успенской церкви, неспешно прогуливались в сторону собственного дома. Солидный особняк под номером 38 выделялся среди соседних зданий, выстроенных еще во времена Кавказской войны. Чувствовалось, что у архитектора была явная предрасположенность к модерну и неоклассицизму. Фасад, обращенный на север, выделялся необычностью отделки. Лицом строения был его вход, выполненный в форме овальной замочной скважины, посередине которой и размещалась застекленная на треть дверь. Обрамленная строгим каменным узором, она придавала сооружению вид элегантной помпезности. Вне всякого сомнения, хозяин особняка обладал тонким архитектурным вкусом. Стоит добавить, что Клим Пантелеевич Ардашев купил эту недвижимость весной 1907 года, когда прибыл в город своего детства из Петербурга.

Вышедший в отставку шесть лет назад, бывший начальник Азиатского Департамента МИД России после тяжелого ранения обеих ног был вынужден распрощаться с выполнением тайных миссий за рубежом. Но не прошло и года, как отставной коллежский советник сумел победить недуг и полностью избавиться от хромоты. Ему пришлось снова вернуться к брошенной когда-то юриспруденции. Окончив экстерном три курса Петербургского университета, Клим Пантелеевич получил разрешение на практику присяжного поверенного. Протекция бывшего начальника – Его Высочества принца Ольденбургского – помогла перешагнуть через обязательный пятилетний срок работы в качестве помощника адвоката.

Первое же дело – таинственное смертоубийство ростовщика Соломона Жиха – заставило вспомнить навыки, приобретенные за годы работы в Персии, Турции и Британской Ост-Индии. Нелишними оказались и всесторонние, поистине брокгаузо-эфроновские познания бывшего «рыцаря плаща и кинжала» в естествознании и технике. Громкий успех приехавшего из столицы адвоката дал ему возможность выбирать клиентов по собственному усмотрению. Кроме гражданских дел, он брался и за уголовные. Но теперь его интересовали только такие процессы, в которых подсудимый, по мнению защитника, был абсолютно невиновен.

Метод защиты был чрезвычайно прост: Клим Пантелеевич находил истинного злоумышленника и доказывал его вину, оправдывая тем самым подзащитного. За последние шесть лет он одерживал только победы.

Среди его клиентов были и скромные, перебивающиеся с хлеба на квас коллежские секретари, и купцы-миллионщики, и фабриканты, и банкиры. А в прошлом году в Ялте ему довелось заниматься дознанием по просьбе Григория Распутина. Полученный от него гонорар присяжный поверенный потратил на постройку новой церковно-приходской школы на Ташле – богом забытом ставропольском предместье.

Было и так, что Ардашеву приходилось раскрывать преступления, совершенные еще в стародавние времена, например в эпоху Александра Грибоедова.

Местная пресса посвятила Климу Пантелеевичу не один десяток статей. Не забывали о нем московские и петербургские издания. Известность Ардашева давно перешагнула границы Российской империи.

Французская «Le Figaro» впервые упомянула о присяжном поверенном Ставропольского Окружного суда еще в 1907 году – сразу после раскрытия тайны гибели французских ювелиров: отца и сына Делавинь.

Лондонская «The Times» удосужилась написать восторженные отзывы об Ардашеве лишь в 1910 году. Согласно этому британскому изданию, mr. Ardashev не только умудрился остановить серию убийств на пароходе «Королева Ольга», но и помог русской экспедиции отыскать пиратские сокровища на Мадагаскаре.

Годом позже, когда в Кисловодске была затронута честь подданных Североамериканских Соединенных Штатов, настала очередь и «The Washington Post».

Но не стоит думать, что молчание австрийских или немецких газет означает полное неведение об Ардашеве на берегах Дуная. На самом деле все обстояло иначе: информацией о прошлогоднем так называемом «ялтинском провале» австрийского резидента обладал весьма ограниченный круг лиц из числа высших офицеров Генерального штаба Австро-Венгрии. И в результате иностранный лазутчик очутился в Трубецком бастионе Петропавловской крепости исключительно благодаря проницательности ставропольского адвоката.

Итак, все шло неплохо до тех пор, пока не застрелился Тер-Погосян. На следующий день после его смерти одна местная газетенка, финансируемая давним завистником Ардашева, адвокатом Кнорре, пронюхав каким-то образом, что покойник отписал присяжному поверенному послание, спешно выпустила сенсационную статейку под заголовком «Адвокат-убийца». В ней утверждалось, что именно Ардашев подтолкнул несчастного предпринимателя к суициду. А это, согласно Уложению о наказаниях, являлось уголовным преступлением и строго каралось. Писака по фамилии Эпистулов-Мариничев договорился до того, что обвинил Клима Пантелеевича «в преступном склонении Тер-Погосяна к самоубийству». Остальные газеты ограничились перепечаткой пасквиля, указав, что мнение их редакции может не совпадать с утверждениями «Ставропольского слова». И хоть внешне присяжный поверенный оставался спокоен, но настроение у него было основательно подпорчено. Здравомыслием, что подача в суд на «Ставропольское слово» еще больше раздует нелепое обвинение и поднимет тираж полуживого печатного издания, адвокат решил не предпринимать каких-либо действий, по крайней мере в ближайшее время. Он терпеливо ждал вызова к следователю, но тот до сих пор безмолвствовал.

Неспешно прогуливаясь, Клим Пантелеевич в компании супруги приближался к дому. Но саженой за тридцать, на скамейке Каштановой аллеи, он заметил молодую и весьма симпатичную даму в синей шляпке. Женщина не обращала на чету Ардашевых никакого внимания ровно до тех пор, пока они не начали переходить дорогу. Поняв, очевидно, что это и есть хозяйка домовладения, она быстро поднялась и торопливо засеменила по направлению к ним.

– Простите великодушно, сударь, не вы ли присяжный поверенный Ардашев? – смущенно вымолвила незнакомка.

– Да, это я, – адвокат приподнял край шляпы. – Что вам угодно?

– Не могли бы вы принять меня? – Она перевела виноватый взгляд на Веронику Альбертовну. – Я понимаю, что сегодня воскресенье и вам недосуг, но все же... Поверьте, я не отниму у вас много времени.

– Конечно-конечно, проходите, – распорядилась Вероника Альбертовна, опередив мужа, который едва успел кивнуть.

– Вы очень любезны, – пролепетала дама и шагнула внутрь.

Клим Пантелеевич провел гостью в кабинет и предложил кресло. Беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, в чем заключалась ее природная красота: выразительные глаза с длинными ресницами, правильный нос и полные губы. Подобранные под шляпку волосы открывали бриллиантовые серьги, украшавшие мочки ушей. Длинное узкое платье изумрудного цвета, слегка расширенное книзу, подчеркивало стройность ее фигуры. Модный жакет молочного оттенка свидетельствовал об утонченном вкусе.

«Лет двадцать пять, – мысленно предположил Ардашев, – не больше». Усевшись напротив, он спросил:

– Итак, какая беда привела вас ко мне?

– Вы правы, именно беда. Меня зовут Милада Яновна Заоблачная. Третьего дня, как известно, застрелился господин Тер-Погосян. Мы жили вместе, но мы не венчаны. – Она смущенно опустила глаза. – Возможно, вам неприятно упоминание об этом после того, что написали газеты...

– Ничего-ничего, продолжайте.

– Давиду не удалось получить развод. Его жена отказывалась даже обсуждать эту тему. Тогда он перебрался ко мне, и мы стали жить в доме, который он купил для меня. Неделию назад, будто предчувствуя свою смерть, он передал мне копию духовной. Вот, ознакомьтесь, пожалуйста, – она открыла сумочку и подала свернутый вдвое лист актовой бумаги.

Ардашев пробежал глазами по строчкам. Из текста следовало, что Миладе Яновне Заоблачной был завещан дом № 12 по улице Воронцовской, а также 110 000 рублей, находящихся на счете в Ставропольском отделении Государственного банка. Остальное имущество в виде недвижимости и паев в разных товариществах отходили сыну и дочери. Жене ничего не полагалось.

– А дети взрослые?

– Сын – студент, дочь учится на медицинских курсах, по-моему, в Москве.

– Насколько я понимаю, вас интересует вопрос наследства?

– Да. Смогу ли я получить его?

– Видите ли, согласно статьям 1472–1476 «Уложения о наказаниях», лицо, лишившее себя жизни и находившееся в здравом уме, теряет право на завещание, а христианин – на христианское погребение. В данном случае все имущество покойного отойдет его прямым наследникам: жене и детям. Вам, к сожалению, ничего не причитается. Это произойдет при одном условии: суд должен подтвердить, что Давид Робертович самолично наложил на себя руки и не находился в состоянии умопомешательства. По опыту могу сказать: наличие двух прощальных писем говорит не в вашу пользу.

– Я так и думала, – она тяжело вздохнула. – Что ж, простите за беспокойство. – Дама щелкнула замком сумочки и зашелестела банкнотами. На кофейном столике возникла десятирублевая купюра. – Этого достаточно? – поднимаясь, спросила она.

– Ничего не нужно, заберите. И, пожалуйста, сядьте. Есть у меня одно соображение. – Откинувшись на спинку кресла, адвокат на миг прикрыл ладонью глаза, а затем вымолвил: – И все-таки я постараюсь помочь вам.

– Вы... вы считаете, что еще не все потеряно? – с надеждой в голосе проговорила Заоблачная.

– Во всяком случае, я попробую кое-что сделать. Если же окажется, что мои подозрения беспочвенны, то – увы! – завешание так и останется недействительным.

– Вы хотите сказать, что это было не самоубийство? И... Давида убили?

Ардашев пожал плечами:

– Все может быть.

– Простите, Клим Пантелеевич, но дело в том, что вы... что я... насколько мне известно... – она явно нервничала и путалась в словах. Затем неожиданно выпалила: – Я слышала о ваших гонорах. Они весьма высоки. А у меня почти нет наличных. Однако имеются драгоценности. Если вы согласитесь, я могу внести их в виде предварительного платежа.

– Не беспокойтесь, в этом нет нужды, – махнул рукой Ардашев. – Давайте договоримся следующим образом: я буду заниматься вашим делом без какого-либо аванса. Мы заключим с вами договор о моем участии в судебной тяжбе о духовном завещании. Это даст мне право интересоваться ходом расследования уголовного дела, если таковое все же откроют. В том случае, если мне удастся доказать, что Тер-Погосян не совершал самоубийства либо совершил его, находясь в состоянии умопомешательства, и вы унаследуете все, о чем упомянуто в духовной, то тогда вы будете должны сделать пожертвование, скажем, – он на миг задумался, – для «Убежища беспризорных детей», что на Армянской улице.

– Я согласна. Но о какой сумме идет речь?

– А это целиком на ваше усмотрение. Надеюсь, Господь вам подскажет.

– Хорошо, – неуверенно ответила она. – Десять тысяч будет достаточно?

– Вполне.

– В таком случае извольте подписать договор.

– Как вам будет угодно.

Адвокат взял со стола отпечатанные типографским способом два бланка соглашения, вписал в пустые места оговоренные условия, расписался и передал клиентке. Бегло просмотрев текст, она макнула перо в чернильницу и дважды вывела совсем незамысловатую подпись. Клим Пантелеевич положил один экземпляр в кожаную папку, а другой – в картонную, с надписью: «г. Ставрополь, Николаевский пр-т № 38, п.п. Ардашев К.П.». Протянув ее клиентке, он сказал:

– А теперь, когда официальная часть нашего разговора позади, я бы хотел задать вам несколько вопросов.

– Да, конечно.

– Не могли бы вы припомнить, с кем встречался Давид Робертович в тот злополучный день – в пятницу, тринадцатого?

– Насколько я поняла, вечером у него должен был состояться серьезный разговор. Но с кем и по какому поводу, я не знаю. Он предупредил меня, что задержится в конторе. Настроение у него было не очень хорошее. Он был, как мне показалось, несколько подавлен.

– Возможно, это было связано с оправданием Маевского?

– Трудно сказать, но стреляться из-за этого Давид точно бы не стал.

– Скажите, а с женой он часто виделся?

– Не знаю. Я никогда этим не интересовалась. Отношения у них были своеобразные. Ее интересовали только деньги мужа. С каждым днем она требовала все больше и больше. Говорила, что якобы высылает сыну и дочери. Это звучало странно.

– Почему?

– Давид и так полностью оплачивал их обучение и содержание, на это он не скупился.

– Что ж, благодарю вас. На этом пока все.

– Знаете, – несмело вымолвила она, – дома, в его кабинете, я нашла вот это. – Она вновь щелкнула сумочкой и достала чек. – Что мне с ним делать?

– Тысяча пятьсот рублей, – прочитал Клим Пантелеевич. – Выписано на Кавказское горное общество (Пятигорск). Но, как вы понимаете, со смертью Давида Робертовича все выплаты аннулируются и до решения вопроса о наследстве движение по его счетам приостанавливается. – Он вернул чек обратно.

– Благодарю вас. Все ясно. Теперь я могу идти. До свидания.

– Всего доброго.

Госпожа Заоблачная поднялась, и Ардашев проводил ее до дверей. Вернувшись, он поднял телефонную трубку и попросил соединить его с номером 1-71. Сквозь треск послышался хриплый голос Поляничко.

– Доброго дня, Ефим Андреевич. Это Ардашев. Я полагаю, кабинет Тер-Погосяна опечатан?

– Как положено.

– А нельзя ли мне с вашей помощью осмотреть его?

– Можно, конечно. А что, Леечкин вас еще не вызывал?

– Пока нет.

– Выжидает, фасон держит. Опыта набрался. А помните, прибыл – птенец желторотый, необстрелянный. От трупов шарахался, как барышня от пьяных извозчиков. Почитай, годков семь прошло с тех пор. Да-с... – Поляничко прокашлялся и спросил: – А вы, верно, сегодня туда попасть рассчитываете?

– Хотелось бы.

– Вона как бывает, – усмехнулся сыщик. – Все-таки сами решили разобраться. И правильно. Уж больно газетчики распоясались. Совесть потеряли. Что ж, в таком разе откладывать не будем. Жду вас через час на Александровской, у дверей конторы.

– До встречи.

Клим Пантелеевич положил перед собой чистый лист бумаги, макнул перо в чернильницу и в левом верхнем углу вывел две буквы: «Т-П». А напротив аккуратным столбиком вписал четыре фамилии. Просидев некоторое время в задумчивости, он открыл коробочку любимого монпансье, достал зеленую конфетку и положил ее под язык. Примерно через четверть часа присяжный поверенный подчеркнул первую фамилию и начал собираться на встречу с Поляничко.

4

На месте происшествия

Контора Тер-Погосяна располагалась в бывшем купеческом особняке неподалеку от самого центра. Вообще-то, «центр» – понятие для Ставрополя весьма условное.

Основанная еще в царствование Екатерины II, крепость № 8 Азово-Моздокской оборонительной линии строилась на возвышенности, господствовавшей над окружающей местностью. Там же была воздвигнута первая походная церковь, войсковые казармы, склады и штабные корпуса.

Отсюда открывался удивительный вид на бескрайние степи и далекие Кавказские горы. С колокольни Казанского собора в ясную погоду можно было разглядеть даже верхушку седого Эльбруса. Город утопал в садах. И трудно было найти дом, не имеющий своего внутреннего дворика, где под тенью раскидистых яблонь или абрикосов не раздували вечером самовар и не вели тихие обывательские разговоры.

Каменные брамы, венчающие высокие, обитые железом ворота, подчеркивали финансовую состоятельность их владельцев. И таких усадеб было множество.

Губерния, кормившая империю зерном и перегонявшая в Центральную Россию бесчисленные гурты скота, пребывала в сонном и сытом благолепии. Политикой здесь почти не интересовались. Зато сделки заключались миллионные, из Европы и Америки выписывались самые современные электромоторы, паровые сеялки, молотилки, токарные и фрезерные станки. Как вишневая поросль, появлялись заводы и фабрики. Среди инженеров все чаще встречались немцы, англичане и даже американцы. Многие из них тут же обзаводились семьями и домами. На Николаевском проспекте и Александровской улице разместились конторы пяти крупнейших банков. Строились церковно-приходские школы, и основывались гимназии. Купеческие и мещанские дети постигали сложности иностранных падежей и артиклей с помощью зарубежных менторов.

Памятуя о загробной жизни и неминуемом суде Господнем, негоцианты жертвовали на благотворительность многие тысячи честно (или «почти честно») заработанных рублей. Благодаря их щедрости высились церкви, а на землях, дарованных городу купцом Скомороховым, раскинулся женский Иоанно-Мариинский монастырь. Не только в центре, но и на окраинах разбивались парки с прудами, каштановыми и липовыми аллеями, лодочными станциями и выкрашенными в зеленый цвет чугунными скамейками.

Но рядом с большими деньгами всегда ходят и большие искушения. И потому время от времени город потрясали известия о трагической гибели какого-нибудь торговца или банкира. Позже нередко выяснялось, что виной всему была чья-то алчность, принудившая завистника отнять жизнь у более удачливого одноземца. Не последнюю роль в расследовании загадочных смертоубийств играл и присяжный поверенный Ардашев.

Подходя к выкрашенному в розовый цвет дому с вывеской «Ставропольское товарищество по исследованию недр земли», Клим Пантелеевич увидел сутулую фигуру Поляничко. Полицейский сунул ключ в замочную скважину и открыл дверь.

– Прошу. Сегодня воскресенье и здесь никого нет.

Поднявшись по ступенькам, устланной бордовой дорожкой, они проследовали по длинному коридору и остановились перед высокой двустворчатой дверью. Ефим Андреевич сорвал сургучную печать и прошел внутрь.

– Все как было в день убийства. Даже кровь, как видите, я не разрешил убрать. Признаться, с самого начала была у меня тайная мыслишка привести вас сюда.

– Искренне вам благодарен, – выговорил Ардашев и оглянулся по сторонам.

Кабинет имел форму квадрата. Посередине стоял дорогой письменный стол с резными ножками. Столешница, обтянутая зеленым сукном, почти наполовину была залита уже высохшей кровью, которая обхватила своими бурыми объятиями и настольную электрическую лампу, и жирандоль со свечами, и пресс-папье. Хрустальный письменный прибор с чернильницей в виде избушки, карандаши в стакане и несколько перьев оказались сухими. Прямо посередине к столу примыкал другой, поменьше. Около него адвокат и остановился. Он достал из кармана складную лупу и принялся внимательно разглядывать едва заметное пятно.

– Что вы там узрели? – поинтересовался Поляничко.

– Странное дело: здесь явно была капля крови, которая угодила сюда, очевидно, в момент выстрела. Но кто-то ее промокнул, оставив едва заметный след. Естественно, покойный этого сделать не мог. Тогда кто? И зачем?

– Позвольте-позвольте, – начальник сыска вынул свою изрядно потертую лупу с деревянной ручкой и начал исследовать это место. – Да, вы правы. Но здесь все гораздо проще: видно, кто-то из моих олухов во время осмотра угодил туда рукой или пальцем.

– Нет, тогда бы кровь была размазана. Да и отпечаток бы остался. А тут просто стерто, и притом очень аккуратно.

– Вы хотите сказать, что кому-то понадобилась его кровь?

– Именно. Причем так, чтобы следствие этого не заподозрило.

– По-вашему, здесь был нетопырь-вурдалак, который напился еще не остывшей крови и вылетел в окно? – с ехидным прищуром выговорил Поляничко.

– Почти, с той лишь разницей, что он вышел через дверь, – невозмутимо изрек Ардашев и продолжил осмотр.

Угол комнаты занимали два мягких кожаных кресла. Единственное окно, задернутое габардиновыми шторами, выходило во двор. В книжном шкафу, кроме «Кавказского календаря», лежали стопки разномастных журналов. Тут же имелось отделение для посуды. Клим Пантелеевич открыл дверцу: внутри стояла откупоренная, но совершенно полная бутылка «Шустова». Кроме коньяка, других напитков не было. Хрустальные фужеры, несколько водочных рюмок, нераспечатанная плитка шоколада «Эйнем» и порезанный, слегка заветренный лимон на блюде с упокоившейся в жидком сахаре мухой.

Внимание Ардашева переключилось на вделанный в стену английский сейф с надписью «Theodor Kromer». На дверце белела наклеенная бумажка с чьей-то росписью.

– А что там? – поинтересовался присяжный поверенный.

– Так, ничего интересного. А впрочем, сами полюбопытствуйте.

Поляничко сорвал печать и опустил вниз рычаг. Удерживая его, он установил каждый из трех переключателей на определенную цифру, – раздалась короткая металлическая мелодия, и дверца отворилась.

Обернувшись к Ардашеву, сыщик сказал:

– Код сейфа знал только Тер-Погосян. После его самоубийства пришлось искать Федьку-кассира. Слава богу, он недавно остепенился и завел семью. Но прежнее ремесло этот скачок не забыл. Не поверите: пользовался медицинской трубкой, которой доктора легкие слушают. И пяти минут не прошло, как этот заграничный ящик сдался. А я всегда говорил: русские воры – лучшие в мире.

Внутри оказалось несколько кусков кристаллообразной породы красновато-оранжевого цвета. Ни денег, ни долговых бумаг не было.

– Никакой ценности эти камни не представляют. Ювелир это подтвердил. А к Тер-Погосяну разный народ шастал. У него, кроме этого товарищества, осталось еще несколько. Ну, найдут люди в горах кусок слюды – алмаз мерещится. Вот и слетались к нему все кто ни попадя, чтобы за хорошие деньги открыть тайну какого-нибудь малопонятного месторождения. Сам-то

Давид в этом деле не смыслил и вечно к Кампусу за разъяснениями обращался. А он инженер опытный. Ему бражку за квас не выдашь. Обман вмиг раскусит.

– Стало быть, покойный не только поисками нефти промышлял?

– Да нет, конечно. У него имелся большой пай в «Товариществе кавказских недр» и в «Товариществе кавказских железнодорожных сообщений».

– А не позволите мне на время кусок этой породы? Хочу точно установить, что это такое. Через два-три дня непременно верну.

Поляничко пожал плечами:

– Надо так надо.

– А вы, помнится, говорили мне, что здесь лежали патроны в пачке и несколько штук рассыпью. Было бы неплохо на них взглянуть.

Ефим Андреевич извлек из кармана маленький ключик, вставил в едва заметное отверстие, повернул дважды, и вверху открылось небольшое отделение.

– Пожалуйста.

Пользуясь лупой, адвокат стал рассматривать патроны.

Глядя на него, сыщик вымолвил с легкой усмешкой:

– Я, конечно, понимаю, что эта газетенка всерьез подпортила вам нервы, но, может, вам просто махнуть рукой на них, а? Вы же лучше меня знаете, что с писаками связываться – себе дороже! Чем быстрее все забудут про Тер-Погосяна, тем лучше. Перебесятся и угомонятся. Ну что вы, Клим Пантелеевич, силитесь здесь отыскать? Только зря время тратите.

– Вы слишком хорошо обо мне думаете, – улыбнувшись, ответил Ардашев. – На самом деле мною правит корысть. Я нахожусь здесь исключительно в силу того, что сожительница покойного – Милада Яновна Заоблачная – теперь моя доверительница. Она обратилась ко мне с тем, что бы я опроверг расхожее мнение о кончине Тер-Погосяна, то есть доказал, что либо суицида вообще не было (следственно, было предумышленное смертоубийство), либо покойный нажал на спусковой крючок, находясь в состоянии сильного душевного волнения и не отдавал отчета своим действиям. В противном случае самоубийство лишает ее права на духовную.

– Да-с... – Поляничко покрутил ус. – Туго вам придется. Тут ведь даже бурсаку-первогодку ясно: убийством не пахнет.

– Однако странности имеются. Роковой выстрел прозвучал в пятницу, тринадцатого. А всего за несколько дней до того, в понедельник, Тер-Погосян неожиданно отправился к нотариусу и составил завещание. Он не мог не знать, что в случае самоубийства духовная аннулируется. Нотариус в обязательном порядке сообщает об этом каждому завещателю. Так что нелогично получается.

– Может статья, вы и правы. Но только если в здравом рассудке находиться. А буде взбрет в голову дурь, в глазах помутнеет – такого накуролесить можно, что о-го-го! Примером сказать, лет семь назад весь город скорбел. Купчишка один, с Воробьевки, ревнивый был, как чеченец. Это и понятно: супружница чуть не вдвое моложе, и красавица, и хохотушка, каких свет не видывал! Ее все бабы любили. А сам-то он виду был неказистого: рябоват, да и выпить любил, хоть и не злоупотреблял – разве что после удачного торга мог с друзьями в трактире засидеться.

Уехал он как-то на ярмарку в Нижний. Барышей там огреб на несколько тысяч и через неделю, немало довольный, возвратился. На вокзале встретил знакомого. Выпили в ресторации, посидели, поговорили. Стемнело. А приятель разыграть его решил. Вот, говорит, пока ты там по волжским базарам шастал, Катька твоя с заезжим торгашом спуталась. Ты поторопись – как раз их в люльке и застанешь. Этот дурень так рассвирепел, что извозчика с пролетки сбросил и сам до дома экипаж погнал. Первым делом он забежал в сарай, схватил топор и к окну приник. А дело было осенью – дни стояли теплые, и только ночью холодом веяло. Многие

спали с открытыми форточками, но укрывались по-зимнему. Смотрит ревнивец и видит: спит его супружница, а рядом с ней, из-под единого одеяла, чужая, третья пятка свисает. Вот тут дьявол и вселился в него. Запрыгнул он в окно и давай кромсать топором и жену, и хахался ее. Те даже проснуться не успели. Только потом выяснилось, что никакой это был не любовник, а приехала к дочери ее мать – теща, стало быть. Бабы весь вечер капусту рубили, солили да по кадкам раскладывали. Умаялись, бедные, и спать легли пораньше. А убиец-то этот, когда понял, что натворил, пошел на верную смерть: на стражника бросился в городской тюрьме... ну и поймал кусок свинца в живот. Умер в муках. Да-с... А вы говорите, «нелогично получается».

Присяжный поверенный тем временем подошел к столу, макнул перо в хрустальную чернильницу и вывел на чистом листе одно-единственное слово: «самоубийство». Потом посмотрел на Ефима Андреевича и заметил:

– А я недаром спрашивал вас про чернила. Здесь – синие, а подпись выполнена черными.

– Разумею, Клим Пантелеевич, куда вы угол-то заворачиваете. Но нет, и здесь вы ошибаетесь. Я об этом справлялся у его секретаря. Зовут его – Лиса Петр Петрович. Кстати, премиальный человек, правда, глазки бегают и щеки горят, будто кур воровал. – Поляничко усмехнулся в усы, одоблив собственный экспромт. – Он объяснил, что синими чернилами хозяин подписывал текущие малозначимые бумаги. И только для самых важных документов пользовался вечным пером с черными. Мы нашли его здесь. – Он выдвинул ящик и протянул паркеровский «Black Giant».

Адвокат открыл колпачок и опять написал: «самоубийство». Подождав несколько мгновений, он свернул лист и спрятал во внутренний карман пиджака.

Разгладив усы, Поляничко провещал:

– Не пойму я вас, Клим Пантелеевич. Неужто вы намекаете, что злодей схватил этого здорового армянина за правую руку, вложил в нее наган, а потом приставил дуло к виску и нажал на спуск? Это же немыслимо!

– Нет, я этого не утверждаю. Я лишь пока озвучиваю сомнительные детали, лежащие на поверхности. Пусть их наберется как можно больше. Разгадка, как правило, кроется в одной-единственной гипотезе, которая, точно отмычка, отопрет все замки и нарисует картину случившегося. Но до нее еще далеко... А где «Ундервуд»?

– В комнате у Лисы.

– И что он говорит по поводу машинописного текста?

– Допускает, что Тер-Погосян мог зайти к нему и в его отсутствие напечатать.

– Надобно, пожалуй, осмотреть секретарскую.

– Извольте. Надеюсь, это поможет вам развеять последние сомнения.

Соседнее помещение особенной мебелировкой не отличалось: американская конторка, дешевый письменный стол и фикус в кадке. На окнах висели легкие, почти домашние тюлевые занавески.

Окинув взглядом обстановку, адвокат заправил бумагу в печатную машинку и, усевшись на стул, быстро набрал уже известные тексты двух прощальных писем.

– А вот теперь, пожалуй, все.

– Ну и слава Всевышнему! Пора и к домашним делам возвращаться. А я сегодня яблочки замочить собираюсь. Люблю зимой, когда выюга за окном свирепствует, спуститься в погреб, набрать пепинки – этих ароматных красавцев – и за стол. А там и водочка, и картошечка, и салыце с прослоечкой, а?

Поляничко слегка прикрыл глаза и принялся раскатывать между пальцами табак. Снабдив себя солидной порцией ароматного крошева, он тотчас же разразился чередой нескончаемых чихов.

Дождавшись, когда начальник Сысного отделения прослезится от удовольствия, Клим Пантелеевич осведомился:

– А где, позвольте узнать, проживает жена Тер-Погосяна?

– Вера Игнатьевна? Так на Барятинской. Она соседствует с домом покойного Толобухина, который застрелился в восьмом году. Помните?

– Еще бы! Дневниковые записи, «Свидание с ангелом»... Душещипательная история.

– Вот тоже пример... Эх, Клим Пантелеевич! А во всем виноваты дамы – *cherchez, la femme*. Не удивлюсь, если выяснится, что форменной причиной самоубийства Тер-Погосяна было не оправдание Маевского, а прелюбодеяние его ненаглядной Милады. Заурядный адюльтеришко! А что удивительного? Да тут только в одно имя влюбиться можно – я уже не говорю о фамилии!.. Вы встречали где-нибудь такие метрики? Милада Яновна Заоблачная! Да это ж как журчание весеннего ручья, как соловьиная трель, как радуга зимой! А уж если с ней встретиться – упаси боже!.. Видел однажды. Даже я, старый хрыч, и то чуть было вздохнуть не начал. Второй такой красавицы в Ставрополе не найти. Зефир с изюмом! Да-с... Вот и ухнул купчишка в омут с головой, да и сгинул. Страсти-то, страсти, а? Это вам не Бальзак какой-нибудь французский. Это самая настоящая жизнь. – Он заметно расстроился и задвигал тараканьими усами. – Уж больно громко я раскудахтался сегодня. Вам, как я понимаю, в другую сторону?

– Да. Премного благодарен, Ефим Андреевич, что откликнулись.

– Да бросьте, – полицейский махнул рукой. – Уж сколько раз вы меня выручали – не сосчитать. Не будь вас – давно бы в отставку отправили. Валялся бы я сейчас на печи да басни внучке читал. Начальство и сегодня косо поглядывает в мою сторону. Ну, будет... Засим, как говорится, откланиваюсь.

– Честь имею.

Распрощавшись с Поляничко, Ардашев достал коробочку «Георг Ландрин» и удостоил себя прозрачной конфеткой. Выйдя на Николаевский проспект, он зашагал вниз. «Вроде бы все ясно, а меня отчего-то гложет сомнение. Ну с чего бы это успешному коммерсанту руки на себя накладывать? Можно было бы, конечно, представить, что Давид решил испытать судьбу и поиграть в Ласточку: зарядить один патрон, несколько раз прокрутить барабан, приставить ствол к виску и нажать на спусковой крючок. Повезет – осечка, а нет – прогремит выстрел. К такому рискованному развлечению прибегали некоторые офицеры во время русско-японской кампании, да и то, как потом оказывалось, все неудачники были в изрядном подпитии. Но тогда в каморах не осталось бы патронов. А тут еще шесть штук в барабане. Непонятно».

Поглощенный размышлениями, Клим Пантелеевич незаметно поравнялся с домом. Он еще не успел войти в переднюю, как раздался телефонный звонок.

На другом конце провода ждал Нижегородцев.

– Здравствуйте, Клим Пантелеевич!

– День добрый, Николай Петрович.

– А как вы смотрите на то, чтобы завтра, этак часиков в шесть, оказаться у нас вместе с Вероникой Альбертовной? Я попытаюсь хотя бы на один вечер позаимствовать у вас славу знатока кавказской кухни. Попробую предложить шашлык по-карски. Сегодня один из пациентов поделился со мной замечательным рецептом.

– Хм, интересно, – улыбнулся адвокат. – И в самом деле, такого блюда мне еще не доводилось пробовать. Непременно придем. Кстати, насколько я помню, вы недавно приобрели наган, так?

– Да, еще летом, после того как в городе участились кражи.

– А не могли бы вы одолжить мне его на пару дней, с полным, так сказать, боекомплектom?

– Могу, конечно. Однако, насколько я помню, у вас есть собственный браунинг. Но если ваши расследования зашли так далеко, что одного пистолета уже мало, то я готов помочь.

– Вот спасибо!

- Значит, договорились. Тогда мы вас ждем.
- До завтра.

Адвокат положил трубку на рычаг и прошел в кабинет. Он вынул из кармана несколько свернутых листков и разложил их на столе. Выдвинув нижний ящик, достал три склянки. Открыв первую, с надписью «3 %-ная щавелевая кислота», опустил в нее стеклянную палочку и перенес каплю на последнюю букву слова «самоубийство». Затем повторил такую же процедуру с другим пузырьком, на котором был приклеен ярлык: «10 %-ная соляная кислота». И синяя буква моментально обесцветилась. Однако стоило ему капнуть на нее из третьего пузырька, где был нашатырь, как буква вновь обрела синий цвет. Точно такую же процедуру присяжный поверенный проделал и со вторым словом, написанным черными чернилами. И все повторилось: при взаимодействии со щавелевой и соляной кислотами чернила обесцвечивались, а стоило добавить нашатырь – вновь чернели.

Следующим предметом изучения присяжного поверенного стал печатный текст, набранный им на «Ундервуде». Внимательно разглядывая каждую букву под цейсовской лупой, он указывал внизу листа характерные особенности шрифта.

Когда работа была закончена, Клим Пантелеевич поднял телефонную трубку и попросил соединить его с судебным следственным департаментом. В конце концов к телефону пригласили Леечкина.

– Здравствуйте, Цезарь Аполлинарьевич. Это Ардашев. У меня есть некоторые соображения относительно так называемого самоубийства господина Тер-Погосяна. Но для того чтобы подтвердить мои подозрения либо опровергнуть, нужна ваша помощь. Не изволите ли дать мне аудиенцию?

– С удовольствием, Клим Пантелеевич. Тем более что у меня для вас имеется несколько безобидных вопросов – чистая формальность. Если устроит, подходите к десяти.

- Прекрасно. Стало быть, договорились.
- Честь имею кланяться.

Большие напольные часы пробили шесть раз. «Ну вот, – подумал Ардашев, – сегодняшний день оказался на редкость удачным. Однако и он почти закончился. Посмотрим, что принесет завтрашний».

5

Запутанный клубок

Утро Ардашев встречал не торопясь. После пятнадцатиминутной зарядки и неторопливого бритья (во время которого в голову часто приходили смелые и неожиданные решения по судебным делам) Клим Пантелеевич вместе с Вероникой Альбертовной приступал к завтраку. Обычно он начинался в восемь. К этому времени Федька – соседский мальчишка – уже успевал принести из типографии пахнущий краской номер «Ставропольских губернских ведомостей», за что получал пятак от горничной. Возможность узнавать местные новости на три часа раньше других позволяла присяжному поверенному иметь небольшое, но важное преимущество перед остальными горожанами.

Кроме утренней газеты, прислуга подавала на завтрак либо яйцо всмятку, либо яичницу с помидорами или с тертым сыром. На белой скатерти непременно присутствовали: сулугуни, масло, мясной паштет или ветчина, белый воздушный хлеб, кизилковое варенье в хрустальной вазочке, чай с травами или кофе. Откровенно говоря, Климу Пантелеевичу больше нравилось, когда на стол накрывала супруга, а не горничная, но занятость Вероники Альбертовны вопросами попечительства не позволяла ей вставать раньше мужа. Она едва успевала привести себя в порядок и выйти в столовую, хотя вполне могла бы позволить себе поспать еще часок-другой.

Уже на первой странице свежей газеты Ардашеву бросилась в глаза крикливая статья под заголовком «Биржевая катастрофа». Было понятно, что через несколько часов стоимость акций, продающих паи «Ставропольского товарищества по исследованию недр земли», обрушится до самой низкой отметки. А к вечеру они могут превратиться в мусор. Виной всему стала авария на мельнице Гулиева, где американский инженер бурил нефтяную скважину.

Как сообщала газета, «паровая машина, вращающая трубу с буром, дойдя до отметки 320 сажень, застопорилась, и трубы, по которым с помощью воды наверх подавалась выработанная порода, сорвались вниз. Достать их было невозможно. Разгневанный купец приказал остановить работы. После трагической смерти г-на Тер-Погосяна надеждой мелких пайщиков «Ставропольского товарищества по исследованию недр земли» оставался миллионер Ага-Балы Гулиев. Однако сегодня утром он распорядился продать все свои бумаги. Это вызвало настоящую панику на бирже. Между тем директор товарищества, господин Кампус, призвал сохранять спокойствие. По его словам, совсем недавно, в двухстах пятидесяти верстах от Ставрополя, в горах, открыто редкое месторождение цинка. В ближайшее время будет предпринята еще одна экспедиция для подтверждения факта обнаружения редкого металла. Указанное обстоятельство, по его словам, поднимет стоимость бумаг «Ставропольского товарищества по исследованию недр земли» на небывалую высоту».

– Дорогой, ты так увлечен чтением, что, кажется, совсем забыл о завтраке. Что там интересного? – намазывая масло на хлеб, поинтересовалась Вероника Альбертовна.

– Судя по всему, акции товарищества Кампуса сегодня рухнут окончательно, и я не уверен, что когда-нибудь они смогут подняться. Хорошо, что мы не уподобились остальным.

– Ты всегда поступаешь разумно. А вот Высотские скупили немало бумаг. Представляю, как расстроится Аристарх Илларионович.

– Послушай, а что тебе известно про этого Кампуса?

– Немного. Говорят, что он приехал в Ставрополь год назад. Был без гроша в кармане. Зато теперь не бедствует: то и дело берет автомобили напрокат. Кстати, в пятницу у тебя будет возможность с ним встретиться. Виолетта Константиновна пригласила нас на журфикс. Кроме него, там будут разные люди, по-моему, даже Фон-Нотбек.

– Надо же! И чего это вдруг Высотским понадобился советник Губернского правления?

– Насколько я понимаю, он ухлестывает за Виолеттой, а Аристарх делает вид, что не замечает ухаживаний. Всем известно, что этот статский советник метит в вице-губернаторы.

– Да, но какой от этого прок Высотскому?

– А ты разве не знаешь, что, кроме паев этого самого товарищества, Аристарх купил несколько участков из городских земель и тоже ищет нефть. А помог ему в этом Фон-Нотбек.

– Нет, впервые слышу. – Клим Пантелеевич улыбнулся и с интересом посмотрел на жену. – Скажи, Вероника, откуда ты черпаешь все эти подробности? Ведь явно не из газет?

– Видишь ли, Клим, многие из моих приятельниц любят подчеркнуть свою значимость. Одни делают это только с помощью новомодных нарядов и украшений, а другие добавляют еще и свою осведомленность в делах мужей.

Супруга налила из самовара чай и спросила:

– А что нужно было той очаровательной брюнетке, что поджидала нас вчера?

«Надо же, – подумал Клим Пантелеевич, – если моя жена снизошла до того, что признала превосходство над собой другой дамы, значит, и в самом деле прав был Поляничко: Заоблачная – первая красавица».

– Это бывшая сожительница Тер-Погосяна.

– И она посмела прийти после того, что написали о тебе в газетах?

Ардашев недоуменно вскинул брови:

– Но она-то здесь при чем? Дело в том, что Тер-Погосян завещал ей немалое состояние. А самоубийство сводит духовную на нет. Вот она и хочет, чтобы я доказал обратное: либо суицида не было вовсе, а стало быть, Тер-Погосян был убит, либо он сделал это, находясь в безумии.

– И ты согласился?

Клим Пантелеевич кивнул.

– Но как можно доказать, что человек, нажавший на курок пистолета, за несколько минут до этого сошел с ума? Я, как ты понимаешь, тоже читала злобную статейку в «Ставропольском слове» и помню, что этот армянин оставил два прощальных письма. По-моему, ты зря пообещал помочь ей.

Клим Пантелеевич сделал глоток кофе, промокнул губы салфеткой и ответил:

– Послушай, Вероника, если я обсуждаю с тобой некоторые детали моих расследований, это отнюдь не означает, что ты можешь давать мне советы, за какую работу мне браться, а за какую нет. Позволь решать мне это самому. И давай условимся, что больше мы не будем возвращаться к этой теме. Договорились?

Супруга выдавила натужную улыбку и смиренно опустила глаза.

– Ты не забудь, пожалуйста, что сегодня вечером мы приглашены в гости к Нижегородцевым. Николай Петрович обещал попотчевать нас шашлыком по-карски. Убеждает, что будет готовить самолично. Они ждут нас к шести. Я надеюсь, что к этому времени я успею справиться со всеми делами. – Он вынул из кармана часы и щелкнул крышкой. – Мне пора. Хочу еще успеть забежать в «Читальный город». Савелий звонил. Сказал, что какая-то старушка сдала «Руслана и Людмилу» 1828 года издания. Сгораю от нетерпения подержать в руках сей раритет.

Ардашев положил в портфель прихваченный из сейфа Тер-Погосяна камень и вышел на улицу.

«Читальный город» располагался на углу Николаевского проспекта и Варваринской улицы. От дома присяжного поверенного ходьбы до него было не более четверти часа. Совершив приятную прогулку по осеннему бульвару, Клим Пантелеевич потянул на себя дверь собственного магазина.

Приказчик, Савелий Пахомов, забравшийся на небольшую деревянную лесенку, что-то усердно искал на полках. Внизу, с двумя книгами в руках, на него с надеждой взирал подпол-

ковник Фаворский – помощник начальника Терского областного жандармского управления. Хлопнула вторая дверь и залиистой трелью запел входной колокольчик.

– А вот и хозяин пожаловал! – радостно воскликнул офицер и шагнул навстречу.

– А вы, я смотрю, интересуетесь историей Византии? – отвечая на рукопожатие, осведомился адвокат.

– Работа заставила. Видите ли, какое дело: неделю назад люди Зелимхана напали на монахиню Спасо-Преображенского монастыря; мерзавцы надругались над ней, а потом убили. Неподалеку от того места, где сестры обители нашли ее труп, лежал деревянный, обшитый кожей футляр, на котором едва читалось слово «Патриарх». Надпись определенно относится к византийскому периоду. Ко мне она попала два дня спустя, когда мы вместе с казачьим отрядом стали преследовать банду. Нам удалось устроить засаду и окружить «хищников». В ущелье опустился туман, и, вероятно, кому-то удалось уйти. Мы насчитали шесть трупов. самого Зелимхана среди них не было. Обыскав убитых, я заметил, что у одного абрека на шее висел дуа – мешочек с зашитыми сурами из Корана. Только вот на коже имелась вполне различимая византийская надпись. Вероятнее всего, это кусок пергамента, который как раз и находился в том самом деревянном футляре. Убитый разбойник сшил из него себе амулет, но где остальная его часть – неизвестно. Все это очень странно, вот я и пожаловал к вам, надеясь отыскать какую-нибудь подходящую литературу.

– Боюсь, вряд ли мы сможем вам помочь. А дело в том, что мало-мальски стоящие книги по Византии у нас скупает один постоянный посетитель. Его зовут Поликарп Спиридонович Маевский. После него ничего не остается.

– Уж не тот ли это Маевский, которого вы недавно так с успехом оправдали?

– Он самый. Если хотите, я вас познакомлю. Он вновь служит в Казенной палате.

– Благодарю, но лучше мне самому с ним встретиться. Однако непременно сообщу ему, что обратился по вашей рекомендации.

– Как будет угодно. Уверен, что Поликарп Спиридонович с огромным удовольствием согласится помочь.

– Выручили вы меня. Сейчас же вернусь к себе, возьму амулет и сразу в присутствие. – Он вернул книги приказчику. – Вероятно, они мне теперь не понадобятся. Честь имею, Клим Пантелеевич!

– Честь имею.

Адвокат посмотрел подполковнику вслед и улыбнулся, вспомнив, как шесть лет назад они вместе ловили Рваного. Владимир Карлович Фаворский, тогда еще ротмистр, лично участвовал в задержании банды, грабившей не только поезда, но и почтовые кареты. Золотой, покрытый красной эмалью Владимир IV степени, висевший на синем форменном мундире рядом с недавно полученным Станиславом II степени, – напоминание о том беспокойном времени. Через месяц после награждения он обвенчался с юной красавицей Вероникой Высотской – дочерью Виолетты Константиновны и Аристарха Илларионовича. Теперь Вероника Фаворская надежно берегла их семейный очаг и воспитывала пятилетнего непоседу Ростислава.

Голос приказчика вывел Клима Пантелеевича из тумана воспоминаний:

– Вы только посмотрите: *«Руслан и Людмила. Издание второе, исправленное и умноженное. Санкт-Петербург, 1828 год. Типография департамента народного просвещения»!*

– Да! Прижизненное издание великого поэта! – глаза Ардашева разгорелись. – А состояние какое! Будто только что с типографии!

Невольно взглянув на висевшие на стене часы, присяжный поверенный воскликнул:

– Господи!.. Надобно торопиться.

Он вышел на улицу и направился в сторону судебного департамента, расположенного в самой верхней точке Николаевского проспекта. Уже через несколько минут адвокат вышагивал по мраморным ступенькам солидного здания. Следственная камера Леечкина – судебного

следователя по важнейшим делам – находилась на втором этаже. Ардашев, верный привычке не опаздывать, подошел точно к назначенному времени.

Несмотря на то что дверь была слегка приоткрыта, он постучал. Послышались шаги, и в проеме возникла долговязая и нескладная фигура Цезаря Аполлинарьевича. И хоть теперь, спустя пять лет после их первого знакомства, он уже и не напоминал гимназиста-переростка, но все равно легко сошел бы за студента старшего курса. Впрочем, как и раньше, очки с толстыми линзами съехали к кончику носа, а слегка взлохмаченный чуб свидетельствовал о том, что его обладатель о чем-то долго и сосредоточенно размышлял.

– Милости прошу. – Следователь искренне улыбнулся. – Рад вас видеть. Присаживайтесь, пожалуйста. – Он придвинул стул. – Может быть, вы хотите чаю? Я велю...

– Не беспокойтесь, Цезарь Аполлинарьевич. Чаю я уже откушал. – Ардашев уселся и поставил рядом портфель. – Я бы хотел, чтобы мы сразу перешли к делу. Итак, что вы собирались выяснить?

– Лично у меня никаких вопросов нет. Самоубийство чистой воды. Все доказательства налицо. У покойного, видимо, были нелады с психикой, вот он и решил свести счеты с самим собою. Вы тут совершенно ни при чем. Но после появления статьи этого, с позволения сказать, корреспондента мое начальство сочло необходимым провести ваш формальный допрос. И вот теперь я, понимая всю абсурдность этой затеи, вынужден выполнять указание.

– Так давайте же быстрее избавимся от неприятного для вас поручения, – улыбнулся адвокат.

Леечкин снял очки, подышал на них, тщательно протер стекла мятым платком и начал заполнять бланк допроса свидетеля. Натужно поскрипывало стальное перо. Через открытую форточку в комнату проникал запах дыма – дворники жгли первую осеннюю листву.

– Вы, как я понимаю, дворянин? – осведомился следователь.

– Да, потомственный.

– Позвольте узнать дату рождения.

– 25 ноября 1867 года.

– Какой чин имеете?

– Коллежский советник.

– Награды есть?

– Высочайшим соизволением пожалован золотой перстень с вензельным изображением «Высочайшего имени Его Императорского Величества» и орден Владимира IV степени с бантом.

Леечкин удивленно приподнял брови:

– Ни разу не видел, чтобы носили.

– Не привык.

Извинительным тоном Цезарь Аполлинарьевич проронил:

– У меня, собственно, всего два вопроса. Первый: встречались ли вы с господином Тер-Погосяном после суда по делу Маевского? Второй: как вы относитесь к письму, где Тер-Погосян обращается к вам со словами: «Я выполнил обещание, не правда ли?»

– С Тер-Погосяном я после суда не встречался, не разговаривал и вообще не находился с ним в одной компании. Что же до второго вопроса, то я считаю, что адресованное мне письмо подписано не Тер-Погосяном, а третьим, неустановленным лицом. Покойный собственноручно расписался только под предложением: «*В моей смерти прошу никого не винить*». Доказательством правильности моих слов является тот факт, что эти две подписи при полном совмещении совпадают. Этого никогда не может произойти с двумя оригинальными подписями. Как свидетельствует практика, лица, которым часто приходится подписывать разные документы (а Тер-Погосян, несомненно, относился к их числу), обыкновенно имеют похожие, но никак не идентичные подписи. Невозможно отыскать двух совершенно тождественных подписей одного

же человека, которые, при наложении их одной на другую, совпали бы во всех точках. Тогда как поддельватели прибегают именно к срисовыванию. В таком случае фальшивая подпись прекрасно совмещается с оригинальной. Это обстоятельство является лучшим доказательством подлога. В нашем случае мы видим как раз именно этот пример. Кроме того, я вполне уверен, что эта вторая подпись выполнена совсем иными чернилами, из другой чернильницы, во всяком случае не теми, которыми сделана первая подпись. Но подтвердить это можно только после соответствующей экспертизы. Если же вы, например, сейчас дадите мне возможность изучить машинописный текст обоих писем, то я с определенной долей вероятности смогу утверждать, были ли эти два послания набраны на той машинке, которая имелаась в конторе Тер-Погосяна, или нет. А это, согласитесь, немаловажно. Но, откровенно говоря, было бы много лучше, если бы все названные мною исследования проводил судебный эксперт, а не я.

Леечкин смотрел на Ардашева широко раскрытыми глазами. Его рот приоткрылся от удивления. Он нервно сглотнул слюну и спросил:

– Кто вам показывал письма? Поляничко?

– А разве это столь важно? Вы бы лучше назначили экспертизу, а уж потом приступали бы к моему допросу. Уверен, что, по получении ее результатов, надобность в нем отпадет.

Цезарь Аполлинарьевич вынул из картонной папки с надписью «Дело №__» два упомянутых письма и долго на них смотрел. Потом спросил:

– И какая же подпись, по-вашему, принадлежит Тер-Погосяну?

– Вот эта, – адвокат указал на бумагу с предложением: *«В моей смерти прошу никого не винить»*. На втором за него расписался убийца.

– Но право же, Клим Пантелеевич! Допустим, ваши предположения подтвердятся и наш эксперт придет к заключению, что второе письмо – фальшивка, и что дальше? Оружие и правая кисть имеют следы пороха – это первый факт. Положение тела также указывает на самоубийство – это второй факт. А ваша гипотеза разбивается весьма легко, поскольку решительно невозможно вообразить, чтобы злодей исхитрился и вложил в руку купца оружие, а затем, применив силу, согнул ее, приблизил к голове и произвел выстрел! Вы же видели покойного! Ему бы не составило большого труда не только меня, но и, простите, вас в бараний рог скрутить!

– Ну, с последним утверждением я бы поспорил. Однако в одном соглашусь с вами: действительно, совершенно непонятно, как револьвер оказался у его виска. Именно поэтому я решительно настаиваю на проведении всех указанных мною экспертиз. По крайней мере после получения результатов исследования подписей, состава чернил и сравнительного анализа шрифтов печатных машинок очертания трагедии проступят более четко. И вот тогда мы сможем разглядеть, что же на самом деле скрывается за этим мутным пятном, условно именуемым «самоубийство».

Следователь поднялся и прошелся по кабинету. Облокотившись на угол шкафа, он скрестил на груди руки и твердо изрек:

– Хорошо. Вы меня убедили. Но и вы должны понимать, что, пока дело не закрыто, в отношении вас тоже еще не поставлена точка.

– Вы намекаете на абсурдное обвинение в склонении к самоубийству?

Леечкин многозначительно повел бровями и проронил:

– Никуда не денешься от этого.

– Но вы же отлично понимаете, что по данной статье может привлекаться к уголовной ответственности лишь тот, кто каким-либо образом, действуя умышленно, то есть с заранее обдуманной целью, оказывал пособничество в совершении самоубийства путем доставки самого средства лишения жизни, сиречь нагана. Допустим, если бы я заранее подготовил прощальные письма от имени Тер-Погосяна, снарядил бы барабан и уговорил бы его застрелиться, – тогда совсем другое дело. Но если он пообещал несколько месяцев назад, что

пустит себе пулю в лоб, если не докажет, что Маевский шулер, – при чем тут я? С таким же успехом можно было бы обвинить и недавнего подсудимого. Но это же nonsense!

– Так ведь именно вы и добились оправдания Маевского судом присяжных!..

Ардашев расхохотался.

– Ну вот, вы уже и до присяжных добрались. Так, может быть, они и есть истинные виновники суицида Тер-Погосяна? А что? Звучит неплохо: организованная группа злоумышленников в составе двенадцати человек, именуемая присяжными заседателями, действуя умышленно и по предварительному сговору, в целях доведения купца II гильдии Тер-Погосяна до самоубийства, заведомо зная, что упомянутый потерпевший дал слово застрелиться в случае судебного проигрыша, вынесла оправдательный вердикт в отношении титулярного советника П.С. Маевского, совершив тем самым преступление, предусмотренное статьей 462 Уголовного уложения. Каково? А?

– Ох и ловко у вас получается! Вам бы у нас служить.

– Нет уж, я лучше буду помогать тем, на кого Фемида смотрит слишком пристально.

– Однако заметьте, наше правосудие приобретает все более цивилизованные черты. С каждым днем мы становимся все ближе к Европе. Вот и парламент у нас теперь свой. И все это благодаря Николаю Александровичу, – он одарил почтительным взглядом портрет государя, висевший на стене. – А что касается вас, то я полностью согласен: подозрение звучит абсурдно. Так ведь я уже об этом докладывал. Но известный вам Глеб Парамонович Кошкидько смотрит на все под другим ракурсом. Ему везде грезятся злодеи, тайные умыслы и грехопадения. В отставку бы ему пора. Но нет, держится за кресло. И вас он не особенно жалуется. Сколько вы уже приговоров ему зарубили, а?

– Не считал. Зато с вами мы всегда находили общий язык.

– Это да, – закивал Леечкин. – По получении результатов экспертиз я вам протелефонирую. Вы позволите?

– Буду признателен. – Адвокат поднялся. – Только вот с печатными машинками побегать придется. Я думаю, их наберется не меньше сотни.

– А это не моя забота. Я вынесу постановление, а Поляничко пусть сам разбирается, кто из его орлов будет по конторам носиться.

– Честь имею.

– Всего доброго, Клим Пантелеевич.

Выйдя из казенного здания, присяжный поверенный невольно зажмурился от яркого солнца. Бабье лето, словно опьяневшая от поздней любви дама, смеялось и радовалось, может быть, последним в ее жизни счастливым дням. Прохладный сентябрьский ветер, точно юный корнет, галантно провожал еще не потерявшую шарм красавицу по аллее Николаевского проспекта. Повинуясь ее малейшей прихоти, молодой повеса то закручивал спиралью опавшие листья, то неожиданно бросал их на землю, расстилая под ногами легкомысленной спутницы золотую дорожку. Продолжая забавляться, он поднимал в небо тысячи едва видимых паутинок и легкой вуалью окутывал стыдливую наготу стройных лип.

С трудом оторвав взгляд от осеннего городского пейзажа, Ардашев вынул жестяную коробочку, положил под язык крохотный леденец и, перейдя на тротуар, принялся размышлять: «Итак, теперь совершенно ясно, что после того, как прогремел выстрел, тот, кто находился рядом с Тер-Погосяном, надел перчатки (либо пришел в них и не стал снимать), включил лампу, взял со стола подписанное им прощальное письмо, наложил его на другой лист с обращением ко мне и обвел подпись. Сделать это было нетрудно, поскольку бумага – дешевая, почтовая; с гербовой такой номер не пройдет, ее-то и на солнце хорошо не просветишь. Затем он сунул послание в заготовленный ранее конверт и тут же оставил. Да, все так, вероятно, и было. Экспертиза это непременно подтвердит. Письмо понадобилось для того, чтобы показать мотив самоубийства. Вот, мол, смотрите, пообещал торговец, что застрелится, и сдержал слово. А

вообще-то слишком самоуверенно. Неужели преступник посчитал, что я просто так сдамся? Скорее всего он полагает, что доказать его вину будет невозможно. Да и в чем эта самая вина заключается? В том, что он находился рядом с самоубийцей? Нет, конечно. Тогда зачем ему нужны были все эти приготовления? Напрашивается вполне логичное объяснение: он пытается отвести от себя подозрение в предумышленном смертоубийстве Тер-Погосяна, которое совершил. Другого объяснения быть не может. Но как он умудрился это сделать, если на правой руке покойного следы от порохового заряда? А может, он заставил его выстрелить в себя? Но как? И почему? Неужели и впрямь идеальное преступление?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.